

Евгений ЯНОЧКИН

г. Дмитров,
Московская область

КАК

Я ПУТЕШЕСТВОВАЛ В ИНДИЮ

(Путевые заметки. Журнальный вариант)

**Я заранее хочу
попросить прощения у тех читателей,
которые найдут в моём повествовании
смешение языков,
времен, жанров и стилей.
Что делать, такова сама Индия.
Вспоминая о ней, я не мог не окунуться
в её атмосферу
и если слишком резко переходил
от дневниковых записей
к рассуждениям сегодняшнего дня,
от личных душевных впечатлений
к глобальным обобщениям,
от описания производственных проблем
– к мистике,
то пусть это рассматривается
как специальный художественный
приём.**

Сладкий голос поочерёдно на нескольких языках напоминает о скором приземлении. Мы летим в Индию втроём: я, Паша, Ярик. Со своими попутчиками я познакомился в аэропорту Домодедово. Паша из Магадана, Ярослав – из Новгородской области, я – из Подмосковья. Паша почти мой ровесник, ему в районе сорока, Ярослав помладше, лет тридцати. Нас свела вместе одна московская фирма, набиравшая геофизиков для работы в Индии.

И вот – Дели, международный аэропорт имени Индиры Ганди. Время – вторая половина ночи. Ковровые дорожки, строгие посты таможенников, огромное помещение со стеклянной стеной; на противоположной, наверху – бронзовые элементы дизайна: торчащие из стены метровые ладони со сложенными из пальцев изящными фигурами. Эта символика мне неизвестна, но в моём представлении от неё веет чем-то индийским. Позже я узнаю из Интернета, что это мудры – упражнения йоги аюрведа, избавляющие от разных болезней.

Мучительное заполнение деклараций. У стеклянной стены – стойки с авторучками и пачками блан-

ков. Оживлённо советуемся, старательно выводим английские буквы, сминаем и прячем в карманы испорченные бумаги. Вроде заполнили все одинаково, но парни прошли, а на меня таможенник поднимает глаза и, тыча пальцем в какую-то ошибку, что-то раздражённо говорит по-английски. Я с растерянным и извиняющимся видом развожу руками. Он снова что-то доказывает, но тут к нему подходит другой служащий и отвлекает его какой-то проблемой. Таможенник вступает с ним в дискуссию, потом вспоминает про мой бланк, не глядя ставит штамп и делает вид, что меня больше не существует...

Забираем с ленты свой багаж, теперь нужно ждать встречающего нас Алексея. Он – менеджер проекта по Индии от нашей московской конторы и мой старый знакомый по северной работе. Через полчаса мы получаем инструкции по дальнейшему пути, перекаладываем из рюкзака в рюкзак привезённое из Москвы оборудование, Лёша меняет выданные нам в Домодедово доллары на индийские рупии.

Аэропорт поражает своими размерами – просторен и грандиозен, сразу трудно оценить, что где начинается и заканчивается. Вокруг много европейцев, много индусов, одетых по-европейски, но сразу обращают на себя внимание экзотические лица и тюрбаны на головах.

У нас много времени до следующих рейсов, поэтому мы пока группируемся недалеко от выхода, чтобы по очереди караулить вещи. Иду в туалет, там – стерильная чистота, толпятся несколько дежурных. Один отрывает и подаёт бумажное полотенце для рук, другие моют в кабинках после каждого посетителя. Рассказываю об этом Лёше, он с некоторой гордостью за Индию восклицает: «Сервис!», потом чуть иронично добавляет, что здесь очень много народа и работу приходится придумывать и делить на всех... Дальше Лёша говорит, что в глубинке, куда мы направляемся, всё по-другому, такого сервиса и чистоты мы не увидим. Тут же он запрещает нам пить любую местную воду, кроме бутылочной, так как в Индии много заразы; рассказывает, что индусы – добродушный народ, но не в меру любопытный, а таксисты – страшные попрошайки. Английского языка провинция не знает, поэтому Лёша рекомендует нам учить хинди.

Вдвоём с Ярославом мы исследуем огромный зал, даже спрашиваем полицейского, где тут «смокинг», но мест для курения не находим. А Лёша говорит: если выйти на улицу, обратно не пустят, – такой порядок. Всё же мы договариваемся с охранником, он перечитывает наши документы и нехотя даёт добро. На улице – по нашим меркам – летняя прохладная ночь, хотя это февраль.

На парковке и прилегающей территории – много полицейских с автоматами, чуть дальше группируются военные, в стороне стоит джип с открытым кузовком, на крыше закреплён станковый пулемёт, за ним сидит воин со свисающим из-под берета длинным чёрным хвостом волос.

– Вот так добродушный народ! – говорит Ярик, и мы смеёмся...

У полиции лёгкая желто-полевая форма, очень эффектно смотрятся в ней индийские полицейские женского пола... Мы идём вдоль длинной площади и фасада аэропорта в случайно выбранную сторону, но не видим ни мусорных корзин, ни курящих людей, ни брошенных окурков. На дальнем углу, где освещение поменьше, закуриваем за широкой колонной. Но пепельниц нет, а бросить «бычки» на землю мы не решаемся. Гасим их пальцами и приносим обратно в зал, где есть урны. На входе тот же охранник снова подозрительно исследует наши документы...

Уже светает, когда мы выходим к стоянке, откуда специальный автобус возит к терминалу местных линий, расположенному в другом районе. Лёша летит в Калькутту отсюда, но он нас провожает. Обращаем внимание на множество машинок такси, похожих на нашу «Победу». Курим, прощаемся, разбираем вещи. Едем. Пейзажи окраин Дели – много недостроя, котлованов, свалок, но видны и роскошные грандиозные сооружения.

У Паши самолёт раньше, но мы вместе с ним входим по билетам в здание нового аэропорта. Он летит в город Ислампур штата Западная Бенгалия, соседнего с Бангладешем. Нам – на север, в штат Бихар, в сторону Непальской границы. Проводим в ожидании часа два, покупаем в буфете какую-то сладкую гадость и кофе, списав названия из меню и отдав бумажку буфетчице. Впрочем, капучино – знакомое слово – звучит так же. Курить нельзя, на улицу не выпускают. Замечаем, что индийцы пьют воду из бутылок не по-нашему: оттопыривают нижнюю губу, высоко поднимают голову и наливают воду в рот с расстояния нескольких сантиметров. Ярик предполагает, что это из-за боязни инфекций.

Наблюдаем немало русских, молодёжь с рюкзаками, группа зрелых женщин, очевидно, туристы. Одна женщина пытается с нами заговорить, спрашивает, куда летим и что там. Ярик отвечает: «Работа, работа!» – и женщине становится скучно. Можно было бы поболтать, но настроение у нас далеко не раскрепощённое...

Провожаем Пашу, а потом и сами проходим досмотр. Тщательно проверяют наши чемоданчики с ноутбуками. У Ярослава находят подозрительные батарейки «крона», нужные ему для ра-

боты. От растерянности Ярик знаками показывает первое, что пришло в голову: это, мол, для внешнего дисковода, который находится тут же. Индус удивлён, но бестолковый русский ему уже надоел, и нас пропускают.

В зале отлёта всё-таки находим ларёк с сигаретами. Продавец пытается продать нам по одной. Но мы покупаем дорогую пачку на двоих. Есть здесь и курилка: полутёмное помещение, в середине длинная стойка с пепельницами, на стене – прикуриватель – чёрный железный ящик с маленьким отверстием и кнопкой. Ярик иронизирует, что неплохо бы установить такой в палатке на Севере... В курилке много индусов, они громко галдят и бесцеремонно толкаются, в дымном воздухе курение не приносит удовольствия.

И всё-таки – Индия!

Прилетаем в Патну. Здесь всё другое: сидят чайханчики, снуют мотоциклисты, на обочине – мусор, дорога с выбоинами, прямо возле дороги сушатся на верёвочке чьи-то трусы и полотенца.

Молодой индус останавливается в нескольких шагах и подозрительно смотрит в упор. Спрашиваем у него про такси. Нам нужно ехать на басстейшен. Индус оживает, кричит кому-то. Приходит таксист, Ярик пишет на бумажке 400, тот сразу соглашается. Я напоминаю Ярославу, что Лёша предупреждал, что будут просить 400, но нужно давать 300.

Прибегают носильщики, хватают нашу тележку, бегут к машине. Денег не требуют, очевидно, это входит в стоимость перевозки. Возле машин – таксисты, большая неразбериха. Вещи уже загружены. Машина – ничего лишнего – руль и сиденья. Носильщики (или кто они там – болельщики?) бегут следом и кричат о том, что мы едем на басстейшен.

Дороги поражают, словно мы попали в какой-то экзотический фильм. Асфальт узок, все двигаются как попало: автобусы и большегрузные автомобили «Тата», джипы нового и очень старого образца, воловь упряжки и самые разнообразные пешеходы, вело- и моторикши, просто велосипедисты и мотоциклисты. Все лихо сигналият друг другу, обгоняют, вытесняют, протискиваются, объезжают по обочинам с риском свалиться в канаву. Сигналы разные у разных машин, самый «весёленький» – у автобусов: что-то среднее между воплем куропапки и дятла Вуди.

По обочинам – сплошные ряды помойки, воздух пропитан её запахом. Тут же местами стоят торговые палатки, в которых продают что-то съедобное. Индусы не такие, как в Дели. Те – более светлые и достаточно холёные. Здесь – тёмные и полудикие, рваные, неприбранные. Ходят в основном в тряп-

ках, обёрнутых вокруг бёдер, и европейских рубашках навыпуск. Женщины в сари.

Таксист лихо и невозмутимо минует препятствия, привозит нас на басстейшен и показывает автобус. Нам нужно ехать в Беттию. С трудом, при обилии добровольных помощников-индусов узнаём цену билета и время отправления. Возникают сомнения: название конечного пункта зависит от произношения и поставленного ударения. Пишем на бумажке английскими буквами. Но с английской грамотой индусы дружат не лучше нас. Много советчиков, остаётся надеяться на судьбу, тем более что нас так усердно приглашают внутрь, что едва не заталкивают.

Наверху автобуса – открытый багажник во всю длину, сбоку – лестница. Прежде чем войти, я наклоняюсь, чтобы положить рюкзак в нижнюю багажную камеру, какой-то индус с мешком лезет вверх через мою голову. Другие кидают мешки и коробки стоящему наверху. Все кричат: «Беттия, Беттия!» Сам автобус – размером с наш «пазик». Внутри – ободранные сиденья, крыша усилена металлическим уголком и подпёрта двумя железными трубами, чтобы не провалился перевозимый наверху груз. Впереди к потолку приделан ящик со стеклянной дверкой. В нём – телевизор, громко транслирующий индийский боевик.

Я сажусь с краю, и меня постоянно толкают индусы, пробирающиеся с сумками и коробками. Сюда же заходят продавцы с широкими плетёными блюдами, громко кричат, предлагают товар, и хотя все их слышат, они всё равно пробираются в конец автобуса и обратно. Одно из блюд продаётся следующим образом: продавец достаёт клочок газеты размером с ладонь, насыпает на него горсть подобия пророщенных орешков, добавляет подобие крошенных овощей, перемешивая, подкидывает всё это на бумажке, отдаёт клиенту, достаёт из кармана подобие лимона, выдавливает пальцами сок... На продавце замызганная рубаха...

Напротив подсаживается молодой индус и пытается завести беседу. Он хочет знать цель нашей поездки. Я знаками показываю, что в Беттию нас должны встретить друзья на машине, что мы «руссиан геолоджи», которые едут «ворк». В свою очередь пытаюсь узнать, что такое эта Беттия.

В автобус вламывается святой или юродивый с подносом, на котором горит лампадка и топится красный жир. Он пристаёт к нам, молодой индус не очень решительно пытается ему сказать, что нам это не нужно, но тот не слушает, мажет мне и Ярославу лоб и темя. Я уже видел эти красные метки у мужчин и женщин. Заглядываю на блюдо и понимаю, что юродивому нужно дать монету.

Лезу в карман и кладу на блюдо две рупии. Помазывавший уходит.

Едем.

На улицах та же сутолока, пробки, но не такие, как у нас – нет медленных подвижек метр за метром. Водитель отчаянно сигналил, мгновенно врывается в каждую образовавшуюся щель, объезжает по обочинам, резко тормозит перед каждым препятствием. Громко орёт телевизор. Сзади не менее громко общаются индусы. Кондуктор висит в распахнутой двери, держась за стойку, помогает совершать манёвры, контролируя левую сторону (движение левостороннее). Когда мы притормаживаем, в открытую дверь заскакивают продавцы, с криком проходят по салону и выпрыгивают при следующем торможении. Замечаю на улицах и большие «басы», на их крышах тоже устроены длинные багажники с бортиками, в них лежат вещи, на вещах сидят люди.

Вижу крыши-террасы на каменных домах – те самые, известные по картинкам, классические индийские крыши, на которых чем-то занимаются, гуляют или сидят дети и женщины. Индия!

Наконец город заканчивается, вдоль дороги падают торговые точки, деревеньки и непонятные строения. Много соломенных шалашей, навесов и домиков. У некоторых фасад обмазан глиной и известью, остальные стены соломенные.

Въезжаем на мост. Огромная по ширине, очень разветвлённая река с бесчисленными песчаными островами, отмелями и плёсами. Это Ганг, великая река Индии в её среднем течении. Мост тянется, кажется, километров пять. После – опять деревни, городки...

Вскоре темнеет. То тут, то там видно сидящих у костерков людей. В одном месте вокруг огня человек 50 собрались в тесный круг. Похоже на какой-то молебен.

Часов с девяти пассажиры начинают покидать автобус. Кричат что-то водителю, со стороны понятно, что договариваются, где и когда их забрать утром. Становится холодно. Закрываем окна, но стёкла опять разъезжаются от тряски. По очереди курим в кулак на заднем сиденье, благо в автобусе полумрак и водителю не до нас. Оставшиеся индусы достают одеяла и укладываются на освободившиеся сиденья. Тот, что с нами общался, едет до конца. С ним ещё один приятель. Ярослав просит у них телефон и дозванивается до Димы, который должен нас встретить. Связь плохая, но мой напарник успевает сказать, что мы будем в Бетти в 11.

Прибываем. Водитель едва не уезжает с нашими рюкзаками в багажнике. Ночь, две торговые палатки из бамбука, две тощие остроносые собаки, са-

рай-вокзал, помойка, индусы... Два молодых попутчика прилипли к нам, пытаются что-то спросить. «Кантри?» – «Россия!» – но дальше ни бум-бум... Ярик предлагает индусам деньги за звонок, они отказываются. Протягивают телефон мне – звонит Дима, уточняет, где мы стоим, говорит, что придет минут через 20. Объясняем это индусам при помощи бумажки. Они всё равно ждут. Приезжает Дима, они вместе с нами подходят к джипу. Дима – тёртый индийский калач – объявляет им благодарность и – от ворот поворот.

Потом, сожалея, говорит, что следовало бы их куда-то подвезти.

По дороге тут и там, несмотря на ночь, попадаются пешеходы, велосипедисты, изредка – тракторы и автомобили. В одном месте дорогу перебегают шакалы. Я до последнего момента не представляю, куда мы едем, и думаю, что где-то разбит отдельный полевой лагерь. Оказалось, мои новые сотрудники живут в провинциальном городке. Сначала они базировались в местной гостинице, это было дорого и неудобно, позже по счастливой случайности им удалось снять отдельный дом. Город называется **Наркатиаганж**. Темно, мы проезжаем по улицам, а потом втискиваемся в пространство, где боковые зеркала едва не цепляются за кирпичные стены. В час ночи останавливаемся возле единственного освещённого крыльца. Ступеньки серенькие, бетонные, фасад дома зелёный, широкая двустворчатая железная дверь – красная, сплошная в средней части и решётчатая на полметра сверху и снизу. Через решётку видно внутреннее помещение. Дима говорит: «Вот тут мы и живём». Я удивлён и на вопрос «Как тебе?» – отвечаю, что ожидал увидеть тростниковый шалаш, чем вызываю смех Ярика, тоже пребывающего в лёгком шоке.

Дверь открывает маленький молодой индус – повар. Любезно знакомимся и проходим. От дверей начинается коридор, слева – лестница, направо – комната инженеров (русская), примерно 4х4 метра. В ней несколько встроенных полок и одни сплошные нары на четверых, пластиковый столик, ящики с оборудованием, компьютеры... Сергей спит после трудового дня, но открывает глаза, я бодро здороваюсь: «Привет, Алексеич! Вот я и в Индии!» Он бормочет, что давно меня ждал, и снова засыпает, а мы продолжаем знакомство с домом. В коридоре – закуток с ручной колонкой (качать воду) и двери двух туалетов с забетонированными плоскими унитазами. Сливных бачков нет, но стоят ведра и обрешеченные пластиковые бутылки для зачерпывания.

Прямо – гостиная с большим столом, приспособленная под дополнительный склад оборудования, из неё – две комнатки рабочих и третья – кухня. Сте-

ны дома изнутри оштукатурены и выкрашены в фисташковый цвет, окна без стекол, с ажурными решётками и ставнями, открывающимися вовнутрь. Голубые межкомнатные двери и ставни сколочены из простых досок.

Пол – бетонный, украшен красной полосой по периметру. Кстати, полы в домах устраиваются следующим образом: они имеют небольшой уклон, а в нижнем углу в стене оставлено отверстие. Когда индусы хотят сделать влажную уборку, они заливают пол водой, а потом вместе с мусором и цементной пылью сгоняют её на улицу резиновой шваброй.

Второй этаж неполный, представляет собой надстройку над внутренней лестницей. Из неё – выход на крышу. Это просторная площадка над домом, окружённая бордюром высотой сантиметров 80.

Дима рассказывает, что электричество в городе включают на 4 часа: по 2 вечером и утром, при этом напряжение достигает лишь 160 вольт. В остальное время освещаются только сахарный завод и железнодорожная станция. Поэтому у нас на крыше работает генератор «Хонда» мощностью в один киловатт, так как работа требует ночной зарядки аккумуляторов. Узнаю, что в некоторых зажиточных домах тоже есть генераторы, но включают их нечасто, по праздникам.

Для приготовления пищи на кухне стоит газовая плитка с баллоном, есть ещё керосиновый примус. Попив чая, мы втроём поднимаемся на крышу.

– Ну вот мы и в Индии! – говорю Ярику на волне нахлынувшего впечатления от теплой февральской ночи и далёкой индийской музыки. Дима поддерживает настроение, мы говорим о работе, о стране и идём спать.

II

Несмотря на поздний час, уснуть мне не удаётся. Февральская ночь довольно прохладна, температура в комнате почти та же, что на улице. Я ещё не знаю, что через пару месяцев от ночной духоты не спасет никакая вентиляция. Падаю на лежанку в футболке и спортивных штанах, но потом приходится натянуть свитер и одеяло. Вскоре я оказываюсь укусаным индийскими комарами. В итоге ворочаюсь часа три, а в 5 утра слышу, как Сергей встаёт и начинает комплектовать оборудование. Он предлагает мне отдохнуть день с дороги, но я хочу быстрее увидеть местность и работу.

Бригада Сергея – трое парней 20 – 22-х лет, Лукас, Джейрам и Тала. Они не вполне индусы, их наб-

рали в Западной Бенгалии, там был первый объект нашей фирмы. У них более тёмный цвет кожи, а у Тала – даже негроидный тип лица. Все трое бегового сложения. Лукас – шестипалый (раздвоенные большие пальцы рук) – несмотря на смуглость, симпатичен в самом европейском смысле, изящен в фигуре и движениях. Он же оказывается самым сообразительным, с чувством юмора и... несколько лукавым. Джейрам – самый длинный и худой – большой ребёнок, готовый хохотать по любому поводу. Тала – коренастый и самый серьёзный, насколько это позволяют его возраст и нация. У всех – от одного до трёх классов школьного образования, что характерно для провинциальной Индии. Кроме этих троих, в доме ещё обитают повар (кук) Джант и водитель Бекас. Они более светлые, типичные индусы и как бы представители более высокой касты. О том, что кастовые отношения у индийцев до сих пор в крови, Дима рассказывал ещё в машине. Эти отношения сквозят в репликах, в манерах общения, но в целом индусы просты и добродушны. Нас, русских начальников, все называют «сэр», но когда у «сэров» хорошее настроение, позволяют себе смешливое запанибратство.

Рабочие Димы ночуют в доме не всегда, в другое время они дежурят в палатках у оборудования, потому что Дима занимается разновидностью электроразведки и у него другая специфика. Сергей ведёт комплекс работ: грави- и магниторазведка и топография. Я должен ему помочь, а через два месяца – сменить. Цель этих работ общая – разведка нефти. Заказчик – крупная индийская нефтегазовая корпорация. Работы – на два-три года. Дима рассказывает, что фирма выиграла тендер на эти работы у американцев. У тех в проект входило создание постоянной базы, заброска техники и т.д. Москвичи пошли по более простому и дешёвому пути: купили в Индии пару автомашин, нашли «своего» человека со связями, отправили на его имя оборудование, потом засланили несколько наших «пацанов» и – вперёд!

Кук приносит завтрак: на широком металлическом блюде варёный рис и тушёные овощи, стакан некрепкого, но очень сладкого чая. Рис (райс), не сдобренный никаким жирком, с трудом лезет мне в горло, а овощи – резаный картофель в кожуре, какие-то стручки, цветная капуста, обильно заправленные жгучим перцем и специфической приправой – масалой, вообще пробую с отвращением... После завтрака мы загружаемся в Димин джип «Тата» и едем.

Днём улицы городка напоминают большой рынок. В непосредственной близости от проезжей части стоят рядами торговые лотки, по-местному – дулканы. Дулканы называются и грязные закусоч-

ные под навесом, и вообще любые магазины. В стороны от улиц идут узенькие запутанные переулки между домами. Встречным пешеходам, чтобы пропустить там машину, приходится вжиматься в стенки. На главных дорогах столпотворение всех видов авто-, мото- и велотехники, коровы упряжки, пешеходы, шум, крики, автомобильные сигналы. Кстати, я долго недоумевал, из какого металла сделаны индийские велосипеды, не говоря уже о самих индусах. На двухколесную pedalную технику привязывают с боков две 200-литровые бочки. Я видел, как один индус посреди дороги потерял равновесие, велосипед не упал, но, наклонившись, встал на бочку. Индус сразу не мог его поднять и сигнализировал ладонью ехавшим машинам, чтобы подождали...

Больших многоквартирных домов нет, в основном двух-, трёхэтажные строения. Дома кирпичные. Фасады оштукатурены и весело разукрашены, а тылы и боковые части – как есть, из грубого кирпича с торчащей арматурой. Позже мне рассказывали, мол, арматуру не убирают, для того чтобы продолжить строение, «когда будут деньги». Таков обычай... Некоторые дома имеют перед собой маленькие дворики с воротами из металла, но чаще фасады выходят к дороге высоким каменным (бетонным) крыльцом, над ним – широкая двустворчатая ажурно-решётчатая дверь. За ней начинается внутреннее пространство дома, часть которого можно разглядеть с улицы. Дизайн фасадов довольно разнообразен, но, естественно, в одном стиле: яркие цвета, решёточки и кружева, балкончики и окошечки различной формы, кое-где над входом – изображения индуистских богов и многое другое. Утром старики и женщины подметают площадку перед домом, но мусор сгребают в кучу в каком-нибудь боковом закутке, где он и гниет годами на пользу собак, свиней и... коров, которые не менее охотно ковыряются в городских помойках. Жарким днём хозяева домов настезь раскрывают парадный вход, ставят пластиковые стулья, зовут знакомых и часами общаются, читают газеты или разглядывают прохожих.

Времяпрепровождение на крыше более свойственно для молодёжи, стариков и женщин. Здесь совершают утренний прогулочный моцион, чистят зубы. Индусы подолгу и тщательно чистят зубы, причём делают это на ходу и в самых разных местах: сидя в туалете, поднимаясь на крышу, выходя на улицу. По вечерам на крышах просто сидят, сплетничают, иногда подстригают или бреют друг друга. Крыша также служит местом для сушки белья и зерна. Здесь же играют с маленькими детьми. Для молодых девушек, кроме школы, крыша – пожалуй, единственное развле-

чение, место для рассказывания секретов и для тайных мечтаний...

Вдоль улицы тянется канава, выложенная кирпичом. Из домов торчат сливные трубы, стоки из которых попадают в канаву и текут по городу, источая постоянный запах. Я никогда не был в средневековом городе, но в моём представлении там всё было устроено примерно так.

За пределами города дороги очень плохие, попадают участки, где можно разогнаться, но в основном асфальтовая часть узкая и разбитая, шириной с одну большегрузную машину. На обочинах ямы, поэтому встречные машины идут до последнего лоб в лоб, отчаянно сигнализируют друг другу, а в последний момент резко сворачивают каждый в свою сторону, подпрыгивают одним боком на ухабах, потом так же резко возвращаются на середину. Преимущество, как правило, имеет тот, у кого машина больше.

Есть старые дороги, мощённые кирпичом. Кирпич – самый дешёвый строительный материал, кругом глина, кирпичные заводы расположены под открытым небом, под плёнкой сушатся заготовки. Тут же несколько барачков с соломенной крышей – склады или общежития. Индусы месят раствор, наполняют и вытряхивают формы, перетаскивают кирпичи, кто как приспособится: на голове, на велосипеде и т.д. Второй по значимости в строительстве – бамбук. Из него и травяных верёвок конструируют строительные леса, опалубки под перекрытия, различные подставки, лежанки, носилки и многое другое. Деревянная доска встречается реже и идёт в основном на мебель.

Деревенские индусы любят жить у дороги. Дома стоят в непосредственной близости от проезжей части и обращены к ней неприкрытыми входами. Иногда внутри можно видеть спящего, которого не смущают ни пыль, ни шум. Перед жилищами гуляет скот. Собаки, козы и бесштаные дети торчат прямо посреди асфальта, приходится сигнализировать и тормозить. Порой замызганный карапуз, увидев остановившуюся перед ним машину, от страха хватается за голову и начинает орать, но не сходит с места. Прибегает всполошенная мамаша, хватается за малыша под мышку и уносится обратно... Полусонные от жары и полудохлые от вегетарианства собаки лениво поднимаются, отходят на минимальное расстояние и ложатся вновь. Коров порой приходится слегка подталкивать бампером (кстати, индусы и впрямь не едят своих священных животных, но палками лупят запросто). Попадаются и набыченные мужчины, которые, видимо от гордости, не желают пропускать машину. По утрам местные жители выстраиваются вдоль дороги для чистки зубов и глазения на проезжающих. Те, у кого нет зубной

щётки с пастой, чистят зубы бамбуковыми палочками, предварительно разжевав кончик. Говорят, при этом бамбук выделяет какие-то дезинфицирующие вещества... За пределами деревни дети, и не только они, ходят на обочинах в туалет, а в сезон уборки зерновых жители перед своими домами раскладывают на асфальт копны скошенных колосьев для обмолота. Хозяин или хозяйка стоят рядом и после проезжающих машин ворошат примятые колосья. Под вечер осыпавшееся зерно аккуратно сметают венником в совочек и сыпают в мешки, а размочаленная солома идёт на изготовление домашнего топлива: её смешивают с навозом и лепят брикеты, которые складывают стопками на той же обочине перед домом для сушки. В других местах вместо брикетов изготавливают круглые лепёшки и облепляют ими стволы деревьев и стены дома.

Я забежал вперёд, многое из рассказанного мне довелось узнать не в первый день. В дальнейшем постараюсь придерживаться записей из своего ежедневника.

III

24.02.11. Подъехали к геодезическому пункту, расположенному на обочине кирпичной дороги. За обочиной – небольшое рисовое поле. Оно поделено на квадраты межами, насыпанными выше посева, по ним все и ходят. Если направление выпадает по диагонали, приходится ходить зигзагами. За полем – песчано-глиняные дамбы большого канала, сухого в это время года. Канал наполняется в сезон тропических ливней, которые обещают с июля.

На другой стороне находятся бамбуковая рощица и какое-то поселение. У входа в ближайший двор – навесик, под которым продают кофе и сладости. Мы сразу привлекли внимание любопытных. Инду-сы собираются группами и разглядывают нас в упор. Попытки выразить недовольство только подогревают их интерес.

После перелётов и бессонной ночи в голове у меня временами плыло, и в один момент, глядя на толпу любопытных, я вдруг почувствовал, что уже был здесь давным-давно и всё это видел, в том числе и парня на велосипеде, смотревшего на меня. Я пытался скрыть смущение за равнодушным видом, но не выдержал и подмигнул. Парень очень обрадовался, стал делиться с друзьями, очевидно, говоря о том, что установил контакт с незнакомым существом...

25.02.11. Состоялся мой первый выход в самостоятельный рейс по Индии. Выставили базо-

вую станцию, оставили на ней «секьюрити» – Джейрама, а я повёл бригаду, состоявшую из Лукаса и Талы. Утром очень шумели вороны, небо было хмурое. И впрямь скоро пошёл дождь и продолжался до обеда, но не сильный. Наоборот, было хорошо, прохладно. Мы шли дорогой через селение, потом полями, потом опять попадались деревни. Собирались любопытствующие, наши парни говорили им про «микительку» (примерно так на хинди называется разработка нефти). Узнал от Лукаса несколько индийских слов. В конце рейса шли через посёлок, я звонил по телефону, чтоб нас забрали, и одновременно смотрел в навигатор, куда свернуть. Взял резко вправо, и в меня въехал на велосипеде индийский мальчик. На багажнике был ещё один, маленький. Они упали, старший мальчик очень испугался. Я подержал его за плечо, успокоил, поднял велосипед. За происшедшим с улыбкой наблюдал пожилой индус. Он что-то крикнул мальчику, мне послышалось русское: «Поднимай сам!» Я так и воспринял фразу, но тут же понял, что этого не может быть. Впрочем, я ещё в автобусе заметил эту особенность психики: когда ситуация сама подсказывает содержание сказанного, подсознательно слышишь русские слова...

27.02.11. Сегодня работал Сергей, я с утра не мог встать на ноги. К обеду расспросил у Димы про городок и, прихрамывая, пошёл на рынок. Сразу же заблудился в переулках, сделал круг, вышел наконец в торговые ряды и тут же пожалел об этом. Всё пестрело и шумело, несколько раз меня чуть не сбили мотоциклисты, кто-то из лоточников пытался меня окликнуть, я думал только о том, как спастись. Даже в России рынки вызывают у меня раздражение. Но здесь все их свойства были преумножены в десятки раз. Я не увидел ничего, что искал, выбрался на главную улицу, забываясь только о том, как найти свой переулок. Все они казались мне одинаково безобразными. Я запомнил выставленную у дверей корзину, кучу кирпича, лужу и по этим приметам кое-как вышел к дому.

Отлежавшись час в тишине, возобновил наступление. На сей раз у меня был более точный план. Я стал жестаами и самыми примитивными английскими словами спрашивать у дуканчиков сигареты. Большинство показывало мне две-три штучки в пустой пачке. В одном ларёчке хозяин принял меня за японца... Мой рост 184 см, и я совсем не раскос, подобное сравнение могло говорить только о полной изолированности местных жителей.

В конце концов я вышел на дуканчика, который нашёл в своей клетке достаточное количество сигарет. Он же продал мне хлеб, а варёные яйца я уви-

дел на перекрёстке. Для первого самостоятельного похода за покупками этого было достаточно, вернулся в дом донельзя усталый, но с победой.

28.02.11. В деревне, возле которой мы ставим станцию, – праздник кришнаитов. На дереве – два колокола-громкоговорителя с утра до вечера славят Кришну. Мне даже нравится. Звучание как бы сливается с местностью и придаёт ей особенный колорит. Как-то наблюдал шествия российских кришнаитов, там было совсем не то. Наверно, дело не в качестве пения, а просто красиво и хорошо то, что находится на своём месте...

Да, сегодня в полях встретились нильгаи. Это дикие антилопы, но они пасутся возле деревень рядом с домашними коровами, потому что тут на них никто не охотится. Подпускают метров на 50, потом убегают.

1.03.11. Видел трактор, весь в ленточках и с музыкой. Полная телега людей. Потом ехало ещё более живописное такси: джип Mahindra (как мы их стали называть, «машиндра») – брезентовый, военного типа, образца 50-х, – внутри люди, наверху люди, сзади на подножке, гроздьями – тоже люди. И два упомянутых «колокола» на крыше, из которых на два километра – весёлая индийская музыка.

Привыкаю к парням, и начинаем понимать друг друга. Лукас – самый сообразительный, непоседливый и пройдоха. Джейрам то задумчивый и мечтательный, то начинает не в меру резвиться, так, что приходится ограничивать. Тала – простака, смеётся как обезьянка, но если что не нравится, может круто повернуть по-своему. Или ответить так, что слов не понимаешь, но чувствуешь, что это – всерьёз.

Рейс был очень длинный, под вечер ещё попалась переправа через большую речку. Пришли на станцию в темноте. Джейрам светит навстречу фонариком, рядом с ним – десятилетний мальчик. «Зис май нью фрэнд», – говорит Джейрам. Английский они всё-таки немного знают, за исключением Талы. Но произношение – как написано... Я выключаю геодезию, а Джейрам кричит: «Сэр, магнетик стейшн офф?» – то есть выключать ли магнитную станцию. Я настолько устал, что с чувством отвечаю: «Да, всё! Офф, офф!..»

Приехал Дима, по дороге домой остановились в пробке перед возом сахарного тростника. Его здесь навьючивают на бычьи и тракторные телеги столько, что удивительно, как они не переворачиваются. Да и вообще весь транспорт грузится не по-детски чем бы то ни было: от мешков до людей... Сахарные заводы есть и в нашем городке, и в соседнем, и в других, видимо, тоже. Сейчас как раз конец уборки уро-

жая... Пользуясь заминкой, к телеге сзади подбежали два пацанёнка лет десяти и мужчина и стали дёргать тростник. Пацанята торопятся, хватаются то за одну тростниковину, то за другую. Залазят чуть ли не на самый верх, но вытащить ничего не могут. А мужик действует методично: вытащит палку, отнесёт за бордюр, идёт за следующей...

2.03.11. Сегодня узнал хорошее индийское слово – намастэ. Это уважительное приветствие. Заметил, что парни так здороваются с пожилыми соседями. Посмотрел в Интернете дословный перевод. Это слово древнее, из санскрита, пришло в Индию через Непал. Означает: «Божественное во мне приветствует Божественное в тебе и соединяется с ним». Или короче: «Я приветствую твоего Бога». Очень умные и глубокие слова...

4.03.11. Сняли первую точку на пустыре за двухэтажным домом, выходим обратно на улицу, – стоит «машиндра» с четырьмя полицейскими. Все с карабинами или автоматами. Один помахал рукой, но не повелительно, а приветственно. Всё равно, надо понимать, следует подойти. Подошли. Парни объяснились, всё нормально, Россия, бумагу не потребовали. Самодовольные и добродушные. Полиция здесь имеет вес. Стать полицейским – подняться: и в уровне жизни, и по социальному положению.

6.03.11. В начале рейса попался канал с отходами сахарного завода. Вода – «но ачча». Черная и как будто тягучая, как нефть. Запах – специфический, омерзительный. Обошли по мосту, километр в сторону, потом обратно. Видели «бычью парковку» при сахарном заводе: громадная площадь, вся уставлена быками с двухколёсными повозками. Запрягаются попарно.

Потом попалась широкая, но мелкая в период засухи речка. «Ачча пани!» (хорошая вода) – много раз переходили её вброд, мочили головы, плечи. Правда, в стороне бродили коровы, ну да ладно, не пьём же!..

Вечером ехали по темноте домой, у дороги была свадьба. На помосте из тракторной телеги – танец. Я думал, они только в сари ходят, а тут девица в обтягивающих брючках и блузке так лихо отплясывала под современный индийский хит! Перед ней – парень на коленях, с расставленными руками... Очень зажигательно.

9.03.11. На исходной точке стали брать замесы, вокруг нас собрались дети. Одна девочка – самой лет десять, на руках годовалый ребёнок,

так и нянчилась с ним всё это время, глядела на нас во все глаза и улыбалась как-то доверчиво и чуть лукаво. (Кстати, детей индийские женщины носят не на груди, а посадив верхом на бедро и поддерживая одной рукой.) Потом убежала в дом, стоявший неподалёку, и там за что-то получила оплеуху от матери, встала у дороги и плачет, растирает слёзы грязными ручонками...

Обычно в Индии воздух напоит дымкой, но сегодня было очень ясно, и мы, когда вышли в поля, увидели на горизонте горы Непала. Даже снежники в распадах проглядывали. Подошёл старый индус, стал что-то вдохновенно рассказывать про Непал.

Джейрам несколько раз помогал женщинам на полях поднимать на голову тюки соломы.

Ехали домой через городок Рамнагар. Там на рынке, прямо на земле возле дукана, разделявали козла (бакри) в луже крови. Напротив, при всём скоплении детей и женщин, индус мочился на стену. Такие вот живые картинки...

10.03.11. Днём в сопровождении Джейрама ходил на рынок, купил себе полотенце, чай. Хотел купить кроссовки, потому что в берцах, которые я привёз из России, ходить очень жарко. Деревенские индусы ходят в основном босиком, наши бойцы – то в кроссовках, то в сланцах. Всё – с местного рынка, китайское, дешёвое и непрочное. Но на всём рынке не оказалось больше 10-го размера. Это примерно 40-й, а мне нужен 44-й.

Зато купил булочек, яйца, хлеб. Райсовый рацион явно недостаточен. К тому же с утра у меня всегда плохой аппетит, в обед на жаре райс с трудом лезет в горло, а вечером настолько обезвожен, что только и делаешь, что заполняешь желудок жидкостью. Но когда не ходишь, организм настойчиво требует восстановления.

11.03.11. До обеда всё шло хорошо, но на дальней точке в приборе пошла сильная помеха. Где-то происходило землетрясение. Обосновались под пальмой, пообедали, ждали ещё два часа, толчки немного ослабли, но о работе не могло быть и речи.

Местные жуют сахарный тростник, я сегодня тоже попробовал. Жестко, но когда выдавишь сок, вкус приятный, не слишком сладкий, охлаждает и утоляет жажду.

Вечером Сергей прочитал в Интернете, что было сильное землетрясение в Японии. Так вот откуда шла помеха, а мы думали, что какие-то подвиги в ближайших горах.

12.03.11. Наш московский руководитель выразил пожелание: выбрать самых сметливых индусов,

поставить «инженерами», чтобы они ходили с бригадами и самостоятельно работали с дорогостоящим оборудованием. А русские – один куратор на объект – будут заниматься обработкой материала, подготовкой рейсов, решать хозяйственные проблемы. Оно и понятно: индусы обходятся в 10 раз дешевле. Прямого распоряжения, конечно, не было...

Тем не менее нам это на руку. Самый сметливый – Лукас, рвётся в бой, выпячивает грудь: «Ай ам индиан инженер!» Следует сказать, что инженеры в Индии не такие, как мы. Они не ходят оборванцами по полям, а сидят в офисах, в крайнем случае выезжают на джипах в белых рубашках с галстуками. Словом, для наших работяг – это иной класс. Таков менталитет: босс должен сохранять имидж «другого» человека, иначе ему сядут на голову. Меня, как романтика 80-х, впитавшего легенду об уважении к простому труду, бесит подобное преклонение перед авторитетами. Хорошо, что мы непосредственно не сотрудничаем с настоящими индийскими инженерами, а то после пешех рейсов я бываю весьма зол...

Впрочем, у моих работяг банглов раболепства нет. Этим страдают водители Бекас и особенно Джант, повар. Последний говорит о политике и начальстве аж с каким-то особенным придыханием. И врёт безбожно о своих «крутых» родственниках и «френдах». Вместе с тем эти двое – и самые хитрые, втираются в доверие и легко могут обмануть по мелочам. Мечтают стать «менеджерами» и пытаются практиковать это по отношению к нам, пользуясь нашим незнанием языка. Очень ревнуют к банглам, если тем отдаёшь предпочтение в общении, – сразу дают понять, что и ты упал в их глазах. Общенье на отвлечённые темы между нами, конечно, затруднительно, но подобные вещи красноречиво выражаются и без слов. Индусы – народ очень искренний, эмоций скрывать не умеют и не хотят. Джант как-то перешёл рамки дозволенного «менеджмента», Сергей взял его за локоть и выставил за дверь. Потом остыл, пошёл извиниться. Тот сидит у себя в комнате и плачет: его унизили, да ещё и перед посторонними людьми (Сергей в тот момент вёл переговоры с хозяином дома, в которые Джант и попытался вмешаться).

В свободное время Джант учит английский и очень этим гордится. Русских слов не признаёт принципиально, сразу делает вид, что категорически ничего не понимает, хотя работает уже не первый месяц. Зато банглы, когда в хорошем настроении, – выдают вещи... Могут неожиданно на чистом русском произнести «пятнадцать», «говори» и другие слова и фразы. На днях ближе к вечеру отказал магнитометр, надо было по плану зайти ещё на две точки, но... Тут Лукас и говорит: «Нет магнитометр – нет проблем!»...

Зато я, когда после работы разговариваю с русскими, ловлю себя на том, что пытаюсь подобрать слова...

В общем, решили мы сделать Лукаса инженером. С утра я поехал с бригадой, поставил базовую станцию, снабдил последними наставлениями, и парни пошли, а я поехал обратно. Выезжали на том же арендованном такси, и оказалось, что деньги, которые мы платим, – только за проезд «туда» и чтобы забрать вечером. А утром он возвращается как обычное такси. Я заплатил 20 рупий... Надо было ещё купить бензин для генератора, я взял с собой канистру, а таксист довёз только до заправки. Не тащить же полную канистру пешком по городу! Я позвонил Джанту, тот пришёл, купили вместе бензин. Джант, как вышколенный слуга, поймал велорикшу и предлагал мне ехать одному, с бензином, а сам собирался идти пешком. Но я усадил его рядом. Плевать мне на их кастовость, да здравствуют геологическая демократия и демократическая геология!

16.03.11. Утром на окраине деревни едва не наступил на змею. Оставалось только одно: сделать прыжок шире и отбежать на несколько шагов. Змея, впрочем, не потревожилась, она спала.

После уборки тростника люди на полях чистят и углубляют каналы, маленькие и большие, готовятся к сезону дождей. Сейчас – сушь, вся глинистая почва закаменела. Долбят её мотыгами, ими же лихо выбрасывают наверх. Кое-где, особенно на больших каналах, работают экскаваторы на базе небольших колёсных тракторов.

18.03.11. Сегодня ходили по самым северным профилям нашей площади. Там пограничный район. Граница с Непалом дальше, но отсюда начинаются подъём к горам и джунгли, которые трудно контролировать. Непал для Индии – дружественная страна, но всё-таки на границе неспокойно, хоть и не так, как на западе, рядом с Пакистаном. Говорят, какие-то непальские патриоты делают вылазки из джунглей, кое-что взрывают по деревням. Может, просто скрывающиеся бандиты...

Перед самыми джунглями лежат пустынные, по индийским меркам, места, много невозделанных земель – твёрдых равнинных пустошей, по которым, кстати, хорошо ходить. Людей встречается гораздо меньше, они более настороженные и отчуждённые. Некоторые ходят в непальских головных уборах – конусообразных шляпах, чего я не видел в других районах.

Мы вошли в одно селение, с краю которого группировались двухэтажные кирпичные домики, обнесённые одной оградой. Один из домов был полу-

разрушен. Во дворе стояла пара джипов. Мы миновали деревенские улицы и на последнем огороде стали делать съёмку. Вдруг послышались крики, нас окружила толпа человек из двадцати. Наиболее активную роль в ней играли два предводителя: очень крупный для индуса, достаточно холёный мужчина и второй – красноглазый. Я понял, что дело принимает серьёзный оборот.

Они потребовали, чтобы мы забрали оборудование и проследовали в деревню. Мои парни спорили, но положение становилось безвыходным. Я ещё попытался призвать к спокойствию, стал звонить по телефону. Сделал вид, будто звоню в очень высокую инстанцию. На некоторое время это успокоило агрессоров, но, как назло, ни один телефон не отвечал, индусы начали нас подталкивать. Я принял решение покориться. Не убежать же в самом деле!

Пока шли через деревню, Лукас всё-таки дозвонился до Лёши и дал телефон мне. Тот спрашивает:

– Что случилось?!

– Ведут...

– Куда ведут?

– Понятия не имею, – на волне обречённого спокойствия во мне проснулось чувство юмора, и я произнёс эту фразу как можно беспечней. – Арестовали и ведут. Куда-то в деревню...

Лёша был обеспокоен, но это единственное, чем он нам мог помочь. Поговорить с напавшими на английском, – так те английского не знают...

Нас подвели к кирпичным домам, в дверном проёме мелькнула фигура полицейского с автоматом. Я почувствовал облегчение. В полиции рано или поздно разберутся. А арестовала нас, выходит, добровольная народная дружина...

Когда проходили мимо полуразрушенного домика, красноглазый показал на него рукой и что-то прорычал в мой адрес. Я мысленно перевел: «Ходят тут всякие, потом дома взрывают...» Полицейский пропустил нас внутрь, за столом сидел другой, видимо, начальник. Оба были не такие, как те, что встречались нам в весёлом рыночном городке. Эти – очень суровые на вид, настоящие американские шерифы. Глядя на лицо сидящего, я подумал, что он очень мало спит, как, впрочем, и красноглазый. Когда индусы недосыпают, они жуют лёгкий возбуждающий наркотик, который продаётся во всех дуканах. От этого у них краснеют губы, а белки глаз, если долго заменять сон возбуждающими средствами, покраснеют у любого...

Я дал полицейскому нашу бумагу – разрешение, но он не читал по-английски и только сурово смотрел в неё, не шевеля зрачками. Лукас тем временем на своём языке объяснил ситуацию, шериф позвонил в полицию нашего городка, там подтвердили,

что действительно работают русские. Вся процедура заняла около двадцати минут. На прощанье полицейский порекомендовал Лукасу «не ходить в джунгли, потому что там стреляют».

Я рассказал ситуацию по телефону Лёше, он поспешно подтвердил: да, да, в джунгли не ходите, делайте последний профиль по самому краю, и всё... Спрашиваю у Лукаса, кто это так беспокоит мирных жителей? «Непал», – говорит, крутит пальцем у виска и другими жестами и словами объясняет, что есть непальский «пипл» – «ачча», а есть такие, что по джунглям прячутся и стреляют. Видят «вумен» идёт, – хватя её и с собой, в джунгли. «Бачо» (дети) – в джунгли. Что есть съедобного – тоже тащат в джунгли. Лукаса понесло нагонять страсти...

– А как же Непал-Индия-секьюрити? – спрашиваю, заменив незнакомое слово «пограничник».

Лукас отвечает:

– Э-э... Непал-Индия-секьюрити – то дриньк, то слип...

20.03.11. Не работали, потому что сегодня – великий всеиндийский праздник. По улицам не проехать, к тому же наши парни сказали, что кто будет «ворк», того могут «бить бамбук». Ходят толпы с барабанами, обливают себя и других разведёнными в воде красками: ярко-зелёной, синей, малиновой, серебряной... Красят всё: волосы, одежду, лица. Наши тоже покрасились, залили всю крышу, пытались покрасить и нас, но не решились.

А я хочу в Россию...

IV

Приезжал Алексей, пробыл у нас два дня, надавал ЦУ, угостил всех папайей с рынка и арендовал для нас две недорогих машины. Ярику достался старенький, но более комфортабельный «Машиндра-маршал», а нам – «Машиндра-командор» без дверей, явно старше меня по возрасту.

Водитель арендованного «командора» в первый день обжевался возбуждающих пакетиков, на обратной дороге подпрыгивал на сиденье, шутил надо мной к удовольствию моей бригады и пел песни.

В конце марта на краю дороги, по которой мы ездили на работу, лежал оборванный волосатый человек. Мы проезжали утром и вечером, он лежал на том же месте неделю, а может, и дольше. Иногда возле него останавливались люди, давали что-то поесть. Зачем он лежал, – я не понял. Наверно, пытался уйти в нирвану...

А мне запомнился один вечер. Спадает жара. Невыносимая, казалось бы, работа сделана. Сумерки, ты едешь домой в джипе без дверей, обдуваемый ветерком. Сзади из телефона звучит музыка, красное огромное солнце клонится к закату и мчится параллельно машине, мелькая между кронами пальм и баньянов. Проплывают мимо разнообразные индуистские святилища. Появляются на дороге и остаются позади перегруженные такси, мотоциклы, велосипеды, дети, козы, женщины. Вечером всё приобретает гармоничную окраску. В один из таких вечеров я вдруг почувствовал какое-то непередаваемое – не побоюсь этого слова – блаженство, словно ощутил неразрывную связь с миром и мудрую закономерность происходящего... Да что там слова, я просто знаю, что это было. Я... почувствовал Индию, почувствовал себя в ней, не знаю, как ещё сказать. Почувствовал и единство с самим собой. Это тело... Почувствовал, что здесь, на земле, я дома. Дом этот временный, но прекрасный, нужно ценить каждую минуту пребывания в нём, чтобы потом взять с собой эти богатства красоты в дом настоящий... Ведь не возьмёшь же туда деньги, звания и прочие тяготы, которыми мы так любим себя обременять. Но можно взять с собой солнце, пальмы и музыку... Сама мысль была короче, чем даже одно слово, но объединяла в себе намного больше, чем всё здесь сказанное. ...С этими мыслями или чувствами, которые тогда не требовали никаких слов, я словно летел куда-то, сидя на переднем сиденье раздолбанного «командора». Это было недолго, но – было. Тогда – первый раз в Индии...

8.04.11. Вечером в машине мои «инженеры» распелись. Я сказал, что в России тоже поют, особенно когда «дриньк». Все сильно обрадовались, водитель бросил руль и захлопал в ладоши...

13.04.11. Маленький смешной индус-хозяинчик с животиком и беременной женой звал в гости, хвастался своей манговой рожицей. Увидел, что мы курим, попросил сигарету, но видно, что никогда не держал их ни во рту, ни в руках. Всю измял, прикусил, поджёг, закашлялся... Но доволен. Знает немного по-английски.

14.04.11. На подходе к реке увидели в стороне одинокий дом. На заборе стоял индус, что-то кричал и махал рукой, но было далеко. А я подумал, опять про бомбу будут спрашивать, пошёл быстрее мимо. Он – наперерез. Меня перехватить не успел, но вижу – парней остановил. Оказалось, бежал предупредить, что речка в этом месте глубокая...

17.04.11. Поехали с Сергеем на увязку каркасов. В городе Багачи нас остановил патруль полиции, там проходила какая-то предвыборная акция, развернули в объезд. Объезд не нашли, но в пробке, пытаясь разъехаться с автобусом, столкнулись с другим джипом. Такое может быть только в Индии. Два водителя вынырнули из-за автобуса с разных сторон, поговорили друг с другом, потом оба резко тронулись и – столкнулись. Удар, стекла посыпались, меня немного вперёд бросило, Сергей ударился лбом о стекло. На той машине – мятина на бампере, а нашу повело, радиатор пробит, рессора оторвалась. Наш драйвер (шофер) был прав, но на втором джипе оранжевая мигалка, которая, правда, не работала. Пассажир какой-то важный, даже не вышел. Шофер немного поругался с нашим и собрался уезжать. Но наш уперся ему руками в капот, тот едет потихоньку, а наш отступает, но не уходит. Сергей решил помочь бедному водителю, но тут и толпа набежала, все за нашего, против «крутых». Тем не менее вскоре приехала группа поддержки: полицейский с большими звездами и двое в штатском, – развели толпу «по понятиям», и все уехали. Я записал номер нарушителя и отдал сыну хозяина нашей машины, когда тот приехал на своём мотоцикле. Он смотался в полицейский участок, но, вернувшись, дал понять, что не видать ему ни денег, ни правды.

19.04.11. Сергей уехал в Россию. Утром нам прислали новый «кар» (новый – сказано слишком сильно, но получше прежнего) со старым драйвером. По пути драйвер остановился возле дуканчика, выпил кофе и покурил ганджи. Потом в деревне развалил крылом стопку кирпичей. Мгновенно собралась местные, заставили его сложить кирпичи на место. Потом он пытался свернуть домой и нас приглашал на чай. Но я пресёк это дело.

В Бихаре выборы, индусы придают им огромное значение. Повсюду посты, под деревьями на стульчиках сидят большие полицейские чины и штатские. Нас останавливали четыре раза. Парни говорят, что у тех, кто ездит просто так, а не работает, как мы, могут на время забрать машину на нужды политической акции.

20.04.11. Вечером после работы сходил в парикмахерскую. Открытый сарайчик на рынке, пара зеркал, стульев. Паренёк после стрижки постучал мне по голове и спине, натёр шею каким-то порошком, повыкручивал руки, повытягивал пальцы. Всё удовольствие – 10 рупий.

V

26-го, приехав с работы, я получил от Лёши телефонную команду останавливать работу на этом объекте, собирать приборы и людей и с утра выезжать в Мальду на помощь Виталию. Дом нужно было оставить за собой, барахло – в нём, потому что в Мальде снята гостиница.

Утром загрузились в арендованное «Болеро», приехали в Патну. Оттуда следовало ехать поездом. Билетов не было, Джант купил стоячие места по 100 рупий. Пришёл поезд, в дверях гроздьями свисали пассажиры, никто не думал выходить. Стали втискиваться, залезли Джант и я, втокнули часть сумок. Дальше – бесполезно. Торчу в тамбуре, остальные на улице, когда трогается поезд – неизвестно. Джант кричит на банглов, чтобы залезали, те разводят руками и крутят пальцем у виска. Я «созрел», скомандовал Джанту выкидывать всё обратно. Только вылезли, вытащили сумки, – поезд ушёл. Билеты пропали.

Поехали на автовокзал, откуда мы с Яриком уезжали на Беттию. Джант в автобусе переругался с кондукторами из-за места, потом говорит мне: «Индиан пипл – дог!» Я только покачал головой: разве можно так не любить свой народ. Ночью в автобусе спал. В открытую форточку задувал ветер, я сквозь сон даже стягивал рукой воротник на рубашке, было хорошо, прохладно... Да, апрель дал жару! По ночам духота, в доме лежишь и потеешь. Я замечал, что на работе выпивал по 5 – 6 литров воды, не считая выпитой дома утром и вечером.

Утром мы приехали в город Кишенгандж. К обеду за нами прибыл Дима. Отряд базируется не в самой Мальде, а в 20 километрах от неё, в городке с названием Гаджоль или Газоль, – зависит от произношения. По пути заехали в придорожный дукан пообедать. Я первый раз воспользовался услугами индийского общепита. Открытый с двух сторон навес, пластиковые столы, стулья. Пол земляной. Над головами вентиляторы. Приготовлено довольно вкусно, хотя и жжёт, как... в Индии.

Подъехали к гостинице, навстречу вышел Виталий. Познакомились лично, до этого мы общались только по телефону. Виталий из Магадана, их здесь трое из этого города: он, Паша, который летел с нами, и ещё Олег.

Гостиница – длинное трёхэтажное здание. На первом этаже сквозной проход со двора на улицу, по бокам – сервисно-торговая сеть. На втором и третьем – номера. Стены окрашены в жёлтый цвет, полы выложены белой мраморной плиткой. Душевые устроены следующим образом: покатый пол с отверстием в стене, выходя-

щим на улицу, и простой кран на высоте пояса. Поэтому для мытья там необходимы ведро или таз и поливальная кружка. Но всё равно душ в индийской грязи и духоте – это счастье.

Рабочих-индусов разместили в просторном холле, поставив рядами деревянные топчаны. Их у Виталия больше десяти человек, плюс мои приехали. У русских инженеров по отдельной комнате, мне тоже приготовили к приезду. Это оправдано, потому что много оборудования. У кого что хранится, тот за тем и следит: скачивает, обрабатывает информацию, заряжает аккумуляторы для себя и для сменщика-индуса.

Кухня-столовая была оборудована в отдельной небольшой комнате и предназначалась только для русских. Индусам Виталий каждый день выдавал деньги помимо зарплаты, и они питались где и как хотели. Наёмного местного повара Паша научил готовить почти по-русски, так что с питанием здесь дело было поставлено гораздо лучше.

У Виталия работа была организована через день, но – по полной. Рейсы по 30 точек, точки через километр. Я пробыл в Гадзоле весь май, и это было лучшее время моей работы в Индии. Несмотря на длинные рейсы, второй день был свободным, что давало возможность полностью восстановить силы. Перед рейсом спать приходилось мало, выезжать мы старались в пять утра. Возвращались в восемь, девять, а иногда и к полуночи. Я ставил приборы на зарядку, ложился, конечно, далеко за полночь. К пяти утра вставал, комплектовал заряженные приборы, выдавал их сменщикам, так как у индусов-операторов сложилось убеждение, что следить за оборудованием – наше дело. Зато когда они уезжали, снова ложился и мог спать до двенадцати, а то и до двух, пока не просыпался естественным образом. Никто меня не тревожил. Я не спеша пил чай, мог выйти в город или посидеть за компьютером в своё удовольствие.

Городок Гадзоль производил приятное впечатление. Улицы здесь были шире, движение более упорядочено, встречные индусы не так дичились чужестранца. Рядом была Мальда – город, посещаемый туристами, и это накладывало свой отпечаток. Я гулял по рынку, разглядывал сувениры, купил себе кое-какие мелочи. У меня появились знакомые дуканчики – продавцы роллов. Они ставили на рынке колесную тележку с витриной и столиком, натягивали над ней тент, по заказу жарили на газовой плитке яичные блины и фаршировали их овощами. Мне эти знакомые издали махали рукой и уже знали, что для меня надо приготовить роллы «но чили», то есть с меньшим количеством перца.

VI

...Дима и Ярик привезли с собой ассамский дром, много видеозаписей и рассказов. Ассам – горный уголок на северо-востоке Индии. Со слов Димы, там живет особый гордый народ, относящийся к остальным индусам с некоторым презрением. Там больше порядка, никто не ходит в туалет на дороге, но край этот находится в состоянии затяжной войнушки за нефть. В настоящий момент там правит «мафия», с которой правительство заключило мирное соглашение.

Наши люди работали там под охраной полиции. В 1992 году в этих краях был убит в драке русский геолог. Его семье Индия до сих пор выплачивает пособие, а ассамские индийцы помнят эту историю. Встречая наших, они радостно заявляли: «А, русские! А мы тут одного русского убили! Ну, заходите в гости, чаю попьём!»

Были там и настоящие джунгли со множеством зловредных насекомых и дикими слонами. Слонов все боятся. База нефтяного месторождения обнесена забором из толстых брёвен, на ночь все машины загоняются внутрь, ворота наглухо закрываются. Однажды днём слоны вышли к базе. Все срочно ретировались внутрь, а Ярик выскочил за ворота, чтобы поближе сфотографировать вожака. Полицейский – за ним вдогонку, поймал за рукав, затащил вовнутрь. Слоны ушли...

Я же был в Индии уже почти шесть месяцев, но не встречал слонов. В местностях, где мы работали, они не используются в хозяйстве, а дикие водятся только в джунглях. Правда, Сергей рассказывал, что ещё до моего приезда видел слона с огромным ворохом зелёных веток и двумя погонщиками на спине прямо на улице Наркатьяганжа. Потом мы издали видели такого же в другом районе. И вот за неделю до окончания моей работы мы встретили слона на дороге на подступах к Азамгарду. Те же ветки, те же два погонщика... Он шёл по встречной полосе, я выскочил из машины и стал снимать его на телефон. К моему удивлению и даже небольшому испугу, слон повернул в нашу сторону и остановился перед самой машиной, свесив хобот над капотом. Честно говоря, перед такой громадиной на открытом месте трудно не растеряться. Ему бы ничего не стоило лёгким движением перевернуть наш джип... Интересные у него были глаза: умные, внимательные и... как будто с хитринкой. Парни, сидя в машине, смеялись и что-то объясняли мне. Наконец я понял, что за фото надо заплатить «тэн рупис». Я вытащил из кармана десятку, но передать её погонщику на такую высоту не

представлялось возможным. Шофер опять со смехом что-то объяснял, наконец до меня дошло. Я положил бумажку на капот, слон нащупал её хоботом и передал хозяину. Эта процедура мне так понравилась, что я не пожалел ещё одной десяти, но вторую уже не клал на машину, а осторожно протянул слону рукой...

Вспомнив рассказ Сергея и животное, виденное вдалеке, я предположил, что это один и тот же «элефант», хозяева которого просто ездят на нём по всей Индии, собирая деньги с любопытных. А неизменная куча веток – запас корма для слона в его длительном путешествии. В общем-то, эта работа для зверя приятнее, чем таскать брёвна...

Мы с Ярославом улетали в Дели из аэропорта Варанаси (Бенарес). Это очень древний и широко известный город, где, по преданию, сам Будда произнёс первую проповедь. Мне очень жаль, что мы были совсем рядом, но наша сумасшедшая работа не позволила нам посетить легендарное место.

В аэропорту мы встретили нашего нового сотрудирика. В Варанаси прилетает много европейцев, но я почти сразу безошибочно определил незнакомого русского, правда, чтоб не вышло недоразумения, прежде чем подойти и представиться, встал невдалеке и послушал, на каком языке он разговаривает по телефону. Дима забрал его и повёз в Азамгард, а нам с Яриком предстояло переночевать в отеле, так как наш рейс ожидался следующим утром...

Так закончилась моя индийская «эпопея». Индия кое-что дала мне, кроме забавных воспоминаний. Я

много нервничал в последние месяцы по поводу работы, но в итоге индусы научили меня спокойствию и – не декларативной, а проникшей в меня до кишок, – уверенности в том, что все проблемы рано или поздно «рассосутся» сами собой и каждый получит по своим делам. Дай бог им и их стране за это добра и блага! Индия, намастэ!

Нас ждал самолёт российской авиакомпании. Мы шли по трапу, впереди шагал иностранец. Русская девушка у входа вышколенно приветствовала его на английском, а потом посмотрела на меня, и мне показалось, что её улыбка стала сердечней. Девушка произнесла: «Здравствуйте!»

«Здравствуйте!» – ответил я и вспомнил о том, что следовало бы погасить улыбку, только в середине салона... Это было самое лучшее «здравствуйте» за мою жизнь, какое я когда-либо слышал от незнакомого человека.

2011–2013

Евгений Николаевич ЯНОЧКИН

родился в 1966 году на юге Красноярского края.

Живёт в г. Дмитров Московской области.

Геофизик,

работал в экспедициях в Сибири, Индии и Южной Америке.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Публиковался в журналах «День и ночь», «Московский вестник», «Братина», «Юность».

Автор сборника стихов «Отголоски» (2010 г.).

В журнале «Север» публикуется впервые.

